А. А. Опарина

К ПРОБЛЕМЕ АВТОРА И ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ «ХОЖДЕНИЯ КУПЦА ТРИФОНА КОРОБЕЙНИКОВА ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ ВОСТОКА»

На рубеже XVI–XVII вв. появляется один из наиболее известных в древнерусской паломнической литературе памятник – «Хождение купца Трифона Коробейникова по святым местам Востока». Это хождение описывает посольство в земли Восточного Средиземноморья Трифона Коробейникова, совершенное в 1582–1584 гг. Настойчивое стремление исследователей определить авторство «Хождения» Трифона Коробейникова объясняется, в первую очередь, недостаточной изученностью данного вопроса. «Хождение» Трифона – один из ярких и характерных примеров в области неразрешенных проблем древнерусской атрибуции.

Поскольку в любом случае «понимание анонимного сочинения без мысли или догадки об авторе является и неполным и неопределенным» [1], то попытка атрибутирования этого текста представляется необходимой. Прежде обратимся к обобщению всех имеющихся на этот счет точек зрения и выделим наиболее убедительные из них. Эта работа будет ориентирована в основном на систематизацию полученных ранее результатов.

Единого мнения об авторстве и времени создания Коробейниковского «Хождения» в науке никогда не было. «Мы не знаем здесь точно ни одного имени, не можем указать ни одного автора во всей этой литературной эпопее» – столь категорично заявленная в 1911 г. точка зрения М. А. Голубцовой может считаться общим лейтмотивом предыдущих и последующих работ, обращавшихся в той или иной мере к проблеме атрибуции и текстологии

сочинения[2]. Вместе с тем для большинства исследователей, занимавшихся анализом памятника, вопросы, затрагивающие его творческую «биографию» (автор, время, место и условия создания, соотношение оригинальных и компилятивных частей) приобрели приоритетное значение.

Появлением ряда заметок на эту тему было отмечено вступление «Хождения» Трифона в издательскую жизнь (1783 г.). Первый его публикатор В. Г. Рубан, посчитав записки оригинальным памятником, сделал предположение об авторстве: «Коробейников был послан Грозным, стало быть, им, надо думать, "Хождение" и написано»[3]. Это утверждение было подхвачено и развито литературоведами и журналистами XVIII–XIX вв. Компетентные для своего времени издатели и комментаторы древних текстов писали: «...книга Коробейникова сделалась достопримечательностью для современников по описанию, которое он составил, Коробейников и Греков написали дневник своего путешествия», Коробейников и Греков в записках «со всем простодушием и легковерием рассказывают о виденном и слышанном ими в разных местах Востока...»[4]. А издания народно-популярного толка, увлекшиеся, говоря словами Х. М. Лопарева, «красивой легендой-сказкой», продолжали развивать идеи, высказанные учеными: «Сердце его (Т. Коробейникова) наполнилось святых чувств и у него явилось святое желание поделиться с другими тою радостию, какой удостоил его Бог; под влиянием этого чувства Трифон и написал свое путешествие...»[5].

Такое единодушие относительно проблемы происхождения сочинения было нарушено в 1884 г. публикацией не известного ранее произведения паломнического жанра. Его появление породило серьезные сомнения в оригинальности заметок Трифона. И. Е. Забелин, опубликовав «Хождение во Святую землю Василия Познякова» – памятник, уверенно отвергший «авторское право» купца Коробейникова, в предисловии к изданию отметил «сходные и несходные места обоих хождений». Наблюдения над двумя близкими текстами он подытожил недвусмысленным заключением: «...самостоятельного рассказа о путешествии Трифона Коробейникова вовсе не существует»[6]. Заявление о компилятивности «Хождения», сделанное И. Е. Забелиным, впоследствии вызвало разновариантные суждения как насчет текстовых источ-

ников заимствования, так и относительно предполагаемого книжника, чье творение получило известное нам название.

Убедительность представленных И. Е. Забелиным доказательств в пользу компилятивной природы «Хождения» была подтверждена разысканиями в этой области Х. М. Лопарева. Полностью поддерживая мнение о том, что с появлением путевых записок Познякова сочинение Коробейникова следует признать плагиатом, первый комментатор текста категорично высказался в отношении его создателя, отказав Коробейникову в праве считаться паломником-писателем. Основным доводом Лопарева было утверждение того, что Коробейников «с товарищи» не путешествовал по Палестине и Египту с Синаем в 1582–1584 гг. Проведя параллели между «Хождением» 1582–1584 гг. и другими паломническими сочинениями, соотнесенными с именем Трифона («Хождением дьяка Трифона Коробейникова 1593–1594 гг.» и «Отчетом о раздаче милостыни на Восток в 1594 г.»), Х. М. Лопарев отверг какую-либо причастность Коробейникова к первому «Хождению».

Исследователь считал, что его перу принадлежат только произведения 90-х гг. Связано это с тем, что имеющиеся расхождения между памятниками в хронологических и географо-топографических деталях не позволяют признать в них автора сочинения 1582 г.: «он не участник в переделке книг Познякова»[7]. Популярный паломнический труд, по мнению ученого, есть «плод некоего досужего писца», которому лишь понаслышке были известны оба посольства Коробейникова: и 1582, и 1593 гг. Тот писец, утверждал Лопарев, не был знаком ни с отчетом дьяка-паломника, ни с его записками о более позднем путешествии, впрочем, как и непосредственно с объектом описания хождения — местами поклонения посетителей христианского Востока.

Несмотря на утвердившуюся в науке мысль о Трифоне Коробейникове как плагиаторе, исследователи вновь возвратились к возможному признанию авторства московского купца. М. В. Рубцов, высоко оценив заслуги издания И. Е. Забелина и разыскания Х. М. Лопарева, тем не менее решительно опроверг устоявшиеся взгляды на «Хождение» Трифона как компилятивный памятник. Им было заявлено: «...литературное имя отнято у Коробейникова на недостаточных основаниях»[8]. Рубцов отрицал

все доводы Х. М. Лопарева относительно недостоверности факта путешествия Коробейникова по Востоку и зависимости текста от каких-либо литературных источников, в том числе и от «Хождения» Познякова. Предположение, что «Хождение» Коробейникова предварило появление сочинения Познякова, привело исследователя к выводу, что самостоятельного текста «Хождения» Познякова не существовало, а памятник, оказавший влияние на литературную судьбу Трифона Коробейникова, сам является компиляцией («...тогда получается возможность для Познякова или того лица, которое писало под его именем, также легко воспользоваться готовым трудом Коробейникова, как это в настоящее время охотно приписывается последнему»)[9]. Аргументация М. Рубцова, в творческой истории взаимоотношений двух хождений поменявшая местами объект и субъект литературного влияния, не нашла, однако, соответствующего отклика в исследовательской литературе, и в качестве общепринятой возобладала точка зрения Х. Лопарева

Среди исследователей XX в., обратившихся к древнерусской паломнической литературе, сложилось единодушное мнение о компилятивной природе «Хождения» 1582 г. Какая-либо дополнительная текстологическая работа по этому вопросу не была проведена: ни детального сопоставления «Хождений» Коробейникова и Познякова, ни сравнения их с другими, более ранними памятниками, ни установления параллелей с греческой путевой литературой, — все заметки ограничились констатацией уже известных фактов[10].

Точное следование точке зрения Х. М. Лопарева отмечается в теоретической статье В. П. Адриановой-Перетц, вошедшей в «Историю русской литературы». Известная медиевистка утверждала, что датированное 1582 годом «Хождение» Трифона не принадлежит указанному в названии автору, поскольку тот не был в 1582 г. в Царьграде, а в 1593–94 гг. — на Синае и в Египте, о которых идет речь в этом «Хождении». Данное паломническое описание, сообщала Адрианова-Перетц, было создано на основе сочинения Познякова в конце XVI или в начале XVII в. кем-то, кто знал о поездке Коробейникова в Палестину в 1593–94 гг., и под его именем стало одним из популярных памятников древнерусской литературы[11].

Мнение исследовательницы относительно того, что «новым литературным произведением это хождение сочтено быть не может», было поддержано О. А. Белобровой, утверждавшей, что «Хождение» Трифона Коробейникова представляет собой литературную переделку ряда памятников, в том числе путешествия Василия Познякова «со всеми его компонентами», и принадлежит она скорее всего уже XVII в.[12] «В конце XVI в. хождение Познякова было переделано неизвестным автором и получило широкое распространение как хождение Трифона Коробейникова, отнесенное к 1582 г. ...»[13] Эта точка зрения, вошедшая в материал учебного пособия В. В. Кускова «История древнерусской литературы», была практически официально принята в научной литературе.

Н. И. Прокофьев возвратил путешествию 1582 г. репутацию реального исторического факта. В Российском государственном архиве древних актов им был обнаружен документ 1649 г., представляющий собой ответ думного дьяка Михаила Волошенинова на запрос царя Алексея Михайловича в Посольский приказ «по делу о посольстве в Царь город и Ерусалим дьяка Михаила Старкова и гостя Трифона Коробейникова около 1582 и 1588 гг.» (РГАДА, ф. 138., д. № 5, лл. 1–3)[14]. В связи с этим ученый-медиевист вновь вернулся к авторскому праву Коробейникова на «Хождение» 1582–1584 гг. и оценил Трифона как взыскательного древнерусского книжника, чей труд не лишен был своего рода таланта умелой компиляции: «...он собрал материал из различных письменных и устных источников о местах христианского Востока, блестяще обработал его, приспособив к жанру хождения, и в результате появилось столь любопытное произведение литературы, которое стало на долгое время одним из самых популярных в народе»[15].

Повторение традиционного взгляда русских исследователей, придерживающихся в основном точки зрения Х. М. Лопарева, прозвучало и в работах зарубежных ученых, в частности в справочно-библиографическом сборнике «Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century» и в монографии немецкого медиевиста К.-Д. Зеемана «Die altrussische Wallfahrsliteratur»[16].

Итак, большая часть тех, кто обращался к изучению творческой истории этого памятника, пришла к заключению о его компилятивной природе: в качестве заимствованных текстом «Хождения» источников были названы паломническое описание Василия Познякова и греческие путники, прежде всего «Поклонение святаго града Иерусалима 1531 г.». Проблема времени создания и автора «Хождения» осталась для исследователей неразрешимой. Относительно авторского права предпочтения исследователей разделились между самим Трифоном Коробейниковым и «неким досужим писцом».

Если принять последнюю версию, то можно сделать некоторые наблюдения: сведения этого некоего «писца» о посольстве 1582–1584 гг. ограничивались лишь поверхностной информацией относительно отдельных временных и географических подробностей, участников и целей путешествия. В связи с этим он и мог воспользоваться при описании коробейниковского «Хождения» текстом Познякова, а также, не исключено, услышанными от очевидцев воспоминаниями. Предпочтительнее, однако, вариант, указывающий на то, что автор по крайней мере находился в окружении Коробейникова. Сам Коробейников по каким-либо причинам «Хождение» не писал, а препоручил его составление кому-нибудь из путешествовавших вместе с ним, следовательно, знакомых с обстоятельствами посольства и восточными реалиями не понаслышке. Текстологические наблюдения свидетельствуют о том, что текст был создан на реальной исторической основе.

Вместе с тем сейчас (после доказательства реальности путешествия Коробейникова) нет сколько-нибудь серьезных оснований для того, чтобы категорично отвергать авторство Трифона. Он, безусловно, мог оказаться создателем «Хождения» по ряду причин. Прежде всего обращаем внимание на особенности литературного канона паломнических сочинений, который предполагает обязательное указание на автора произведения в заглавии и начальной его части, что встречается в большинстве путевых памятников XI–XVII вв. Литератор, упомянутый во вступлении, воспринимался как непосредственный очевидец описываемого путешествия, это в свою очередь гарантировало правдоподобие повествования, а следовательно, достигало желаемого религиозно-этического и художественного эффекта.

Аналогична, на первый взгляд, ситуация и с «Хождением» Коробейникова: как заглавие, общепринятое по форме, так и начальные фразы сочинения традиционно содержат необходимую информацию: «В лете 7090 году в марте царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии послал с Москвы в Царьград и во Антиохею и во Александрею и во Святый град Иросалим и в Синайскую гору и во Египет к патриархом и архиепископом и архимаритом и игуменом по сыне по своем по царевиче по Иване Ивановиче милостыню доволну с московскими купцы с Трифаном с Коробейниковым да с Юрьем Греком и с ними ездили своею охотою московский жилец Федор крестечной мастер да с ним же государь послал 500 рублев в Синайскую гору на сооружение церкви великия мученицы Екатерины, где лежало по преставленье тело ея на горе аггелы хранимо» и т. д.[17]

В то же время следует учитывать, что «надписывание» не может считаться идеальным атрибутирующим признаком. Еще А. Д. Седельников удачно указал на следующую особенность древнерусской книжности: «даже присутствие имени автора, встречаясь на общем анонимно-псевдонимном поле зрения, не только не спасает непременно от ошибок, но самостоятельно способно вызвать ошибку»[18].

Хорошо знакома в медиевистике характерная для средневековой литературной практики апелляция к именам известных обществу авторитетов: писателя или любого другого человека, имеющего вес в сфере, близкой к сочинительству, или изображенному в тексте, их использованию в качестве авторов чужих произведений с целью придать сочинению большую значимость.

Своеобразным атрибутирующим признаком, свидетельствующим в пользу авторства Трифона, являются имеющиеся в нашем распоряжении исторические факты. Паломническая миссия, которую возглавлял купец Коробейников, предполагала предоставление официального письменного отчета о результатах поездки. «Хождение» могло быть составлено как необходимый в то время своеобразный художественно-документальный «отчет».

В связи с этим у И. Е. Забелина, уверенно оперировавшего фактом компилятивности сочинения Трифона, возникли сомнения относительно литературных способностей купца-паломника. Личный посланник, предположил исследователь, не будучи в

силах справиться по возвращении из Палестины с предстоящей перед ним задачей облечь путевые впечатления в подходящую художественную форму, обратился к опыту своего недавнего предшественника. Оспорил точку зрения И. Е. Забелина Н. И. Прокофьев, указавший на незаурядное мастерство автора «хождения», которое проявилось в умелой компоновке письменного и устного материала. Как показал дальнейший текстовый анализ, использование компилируемого источника не означает писательской «скудости» и профессиональной некомпетентности создателя источника.

Впоследствии тем же приемом «книжного» труда воспользуются многие паломники-литераторы: Василий Гагара, Арсений Суханов, Иона Маленький, Макарий и Сильвестр, Андрей Игнатьев, Серапион Множинский, Иван Лукьянов. Сочинение Коробейникова положило начало своего рода традиции обильных компиляций в паломнической литературе, став образцом для многочисленных литературных подражаний в последующих путевых записках. При этом, в частности, Арсений Суханов уже со знанием дела упомянет о том, что его произведение «собрано из писаний», и укажет на «Хождения» Трифона и игумена Даниила как классические литературные источники («...И в Трифонове хождении писано...», «А Даниил странник пишет...»)[19].

Итак, либо необходимость составить письменный отчет о путешествии, либо самостоятельное, независимое от предписаний верховной власти желание изложить виденное и слышанное, либо предоставившаяся возможность обрести литературную славу в кругах, близких к государю — таков предполагаемый перечень побудительных причин, учитывая которые, возможно назвать Трифона Коробейникова автором «Хождения». Составителем же «Хождения» (даже если это не Трифон), безусловно, был участник посольства 1582—1584 гг. и очевидец описанного в сочинении, а не писец, составивший путевые записки только на основе книжного источника и изустных пересказов. Это подтверждает и сравнительно-текстологический анализ текстов: самого «Хождения» Коробейникова и его литературных источников[20].

В связи с указанными выше доводами необходим биографический материал о паломнике, с именем которого связывают авторство «Хождения» 1582—1584 гг. Известен Трифон Коробей-

ников не только благодаря этому путешествию: исследователи располагают фактами о еще одном пребывании Коробейникова в восточных странах. В 1593–1594 гг. он сопровождал дьяка Михаила Огаркова, на этот раз в Царьград и Иерусалим была послана «заздравная» милостыня по случаю рождения у царя Федора Ивановича дочери Феодосии: «...и бысть радость на Москве велия... и посла в Еросалим и во всю Полестинскую землю по монастырем с милостынею Михаила Агаркова с товарыщи со многою доволнею милостынею»[21].

Данное посольство, побывав в Константинополе (апрель 1593 г.), в Иерусалиме (сентябрь 1593 г.) и Антиохии (апрель 1594 г.), передав «заздравную» всем четырем православным патриархам, инокам в монастырях, «старцем и старицам», «старым и увечным», «в тюрьму сидельцом и русским полонеником», возвратилось «с великою честию» в Москву в 1594 г. Сохранился «Отчет о раздаче милостыни на Восток в 1594 г.», который наряду с «Хождением» 1594 г. также принято приписывать перу Трифона Коробейникова[22].

Это паломничество примечательно тем, что, вернувшись из него, Коробейников доставил в Москву, как на это указывает паломник Василий Гагара, величайшую реликвию – «модель Гроба Господня». Точнее – Трифон Коробейников привез не модель Гроба Господня, а только так называемую его «меру» из ткани. На Руси такие реликвии из Святой земли окружались особым почитанием и хранились в монастырях на специально отведенных для этого местах. Предполагается, что именно по этой мере был создан в 1599–1600 гг. золотой Гроб Господень для церкви Воскресения в Москве, аналогичной иерусалимской святыне. Ее проект принадлежал Борису Годунову, который согласно своим честолюбивым замыслам планировал благодаря этому строительству уподобиться византийским императорам, создателям древних христианских святынь[23]. Возможно, что «наказы», которые Коробейников исполнял во втором своем хождении, были получены им от Бориса Годунова, возложившего на этого, уже опытного паломника миссию, имевшую для высокой особы первостепенное значение.

Кроме того, важность указанного факта состоит в том, что во второе хождение Коробейников назван уже дьяком. Из этого

следует, что по возвращении в Москву, еще в 1584 г., купец Коробейников был награжден должностью дьяка. Вероятно, порученные Иваном Грозным дела были выполнены полностью, за что посланник удостоился царской милости; не последнюю роль сыграла и благодарственная грамота патриарха Сильвестра, привезенная Трифоном из Святой земли.

Новое служебное место Коробейников мог получить по приказу самого государя сразу же после своего возвращения (в феврале 1584 г.), но подлинно известно только то, что в 1588–89 гг. Трифон уже состоял на службе в Дворцовом приказе. Данные об этом находим в «Материалах для истории, археологии и статистики города Москвы»: «...96 году. Июля в 26 день дано дьяком Степану Твердикову да Трифону Коробейникову к государеву платью на чехол полотно тверское... 97 году розход полотном. Дано дияком Степану Твердикову да Трифану Коробейникову к государеву царя и великого князя платью на шитье полотно нитей»[24]. Более имя дьяка Трифона Коробейникова нигде не значится. Нами было найдено упоминание некоего Матвея Коробейникова, который по архивным документам известен как дьяк Казенного двора в 1605 г., 1607 г. и 1608 г. (1609–1610)[25]. Точное отождествление этих двух лиц, однако, лишено достаточных оснований, если даже при этом принять во внимание ономастические ссылки на бытование в России XVI в. обычая называть одного человека двумя христианскими именами. Следовательно, 1594 годом можно ограничить сведения о паломнике Трифоне Коробейникове и его путешествиях.

Изложенные факты вызвали спор между исследователями «Хождения» по поводу социального положения предполагаемого автора. Так, Х. М. Лопарев категорически возражал против того, чтобы Коробейников был назван московским купцом (в большинстве списков использовано именно это указание и большинство биографических справочников и словарей опираются именно на него[26]). Сомнения исследователя вызвал следующий вопрос: каким образом купец через 6 лет мог стать дьяком? Подобные опасения высказал И. Е. Забелин, предполагая, что Коробейников был подьячим, а под видом купца он отправился в путешествие по царскому поручению из боязни навлечь на себя

подозрение со стороны Литвы, Валахии или Турции в каких-либо политических поручениях[27].

Подобное утверждение легко может быть опровергнуто. Открытые посольства государевых людей «под видом административных» были обычным и широко распространенным делом. Истории известно немало подобных случаев: в 1512–1514 гг. дьяк Михаил Иванович Алексеев был послан в Константинополь, в 1563 г. – дьяк Андрей Клобуков, в 1580–1582–1585 гг. – дьяк Дружина Петелин в Польшу, в 1593 г. – дьяк Михаил Огарков и тот же Трифон Коробейников, названный в этом случае дьяком, в Константинополь и т. д.[28]

Возражения по поводу того, что купец по истечении времени стал «служилым» в правительственной администрации человеком, несущественны: продвижение по служебной лестнице во времена Ивана Грозного совершалось непосредственно по царским указам. Так, зачастую назначение в дьяки производилось вопреки предустановленному порядку, то есть в дьяческий чин – после долголетней практики – из подьчих, более мелких по своему статусу служащих. Желание государя играло в этом случае определяющую роль: «...старшинство почти никогда при произвождениях наблюдаемо не было, а все чинилось по милости монаршеской и по заслугам»[29].

В XVI в. новоиспеченная и все более растущая система приказов потребовала для обслуживания своих нужд большого количества приказных лиц, обладающих достаточным уровнем грамотности. В связи с этим привычным явлением для середины и конца XVI в. стало пополнение служилых дьяков за счет духовенства и торговых людей – тех сословий, которые не пользовались почтением в кругах высшей знати, но представляли собой своего рода средневековую интеллигенцию. Таким образом, Трифон Коробейников вполне мог стать одним из тех «дворян пера и чернил», что выдвигались в качестве царских «фаворитов» благодаря умению расположить к себе государя силой ума, опытностью и дипломатической ловкостью. В таком продвижении купца, следовательно, ничего необыкновенного и «сомнительного» быть не могло.

Кроме того, видимо, уже в 1584 г. царь мог предположить продолжение поездок Коробейникова за пределы России как отли-

чившегося ведением дел с иноземцами. Именно это могло подразумевать повышение Коробейникова до должности дьяка, поскольку для выполнения миссии посланника требовалось и определенное социальное положение: официальный придворный статус главы и членов посольства должен был строго соответствовать их дипломатическому рангу. Если учесть, что в России того времени дьяки были реальными исполнителями предначертаний великокняжеской власти, а следовательно, и высоко ценились у царя, то можно предположить, что Трифон Коробейников соответствовал тем требованиям, которые предъявлялись этим служилым людям. Чин дьяка предусматривал «довольную» грамотность, умение читать, писать, твердо знать «законы, предания, грамоты», а также навыки и ловкость в канцелярской работе[30].

Всеми этими качествами несомненно обладал Коробейников, получивший особое расположение царя.

Источниковедческая база настолько скудна, что за пределами исследовательского «дознания» пока остается и год рождения, и год смерти, и прочие факты биографии бывшего купца, исполнительного и пользовавшегося доверием монарших лиц дьяка, путешественника, совершившего два паломничества на Восток и оставившего после себя литературную славу составителя «Хождений».

Важным этапом в разработке творческой истории древнерусского памятника считается и вопрос о времени и месте его создания.

Если сложно установить авторство произведения, то большое значение приобретает определение круга лиц, к которому возможный автор мог принадлежать; имеются в виду ограничения хронологические, социальные, профессиональные и т. п. В случае с «Хождением» Коробейникова остановимся на предположении относительно той социальной среды, в пределах которой создавалось «Хождение». В середине XVI в. сочинения подобного рода составлялись, как правило, в тогдашнем «министерстве иностранных дел» Российского государства — Посольском приказе, — где был собран способный к «книжному» делу штат переводчиков, дьяков и подьячих, а также сосредоточивался обширный фактический материал об иных землях в виде статейных списков, путевых записок, хождений, деловых отписок[31]. Имен-

но в приказной канцелярской среде при участии искушенных во всевозможного рода переписках посольских чиновников ряд письменных и устных источников мог быть облечен в литературную форму путевых записок и получить в заголовок имя известного паломника. Стоит заметить, что и Трифон Коробейников после своего назначения дьяком был близок к этим кругам.

Важность постановки вопроса о времени создания памятника осознавали все исследователи, предлагавшие различные варианты его разрешения. Связано это с тем, что прояснение даты появления произведения в значительной мере способствует определению места сочинения в истории литературы, философско-общественной мысли и искусства. В отдельных трудных случаях, когда ни сам текст, ни «внетекстовые» данные не дают серьезных оснований для точной датировки, возможно ограничиться установлением крайних хронологических рамок, в пределах которых сочинение было составлено.

Если опираться на основные, традиционно выделяемые в качестве определяющих, датирующие признаки (различные хронологические выкладки и отсчет времени внутри текста, указание на лиц живых или уже умерших, упоминание исторических явлений или событий и т. п.), то временем создания «Хождения» Коробейникова можно считать 1584 г. Это означает, что оно составлялось сразу же после возвращения посольства в Москву в марте 1584 г.

В XVI в. хождения, как правило, воспринимались в качестве своеобразных отчетов паломников — царских посланников — о выполнении порученной им на Востоке миссии. Следовательно, ценность этих художественно-документальных сочинений нередко заключалась в актуальности содержащихся в них сведений. Предполагается, что так же сложились обстоятельства и в отношении записок Трифона: необходимость в «Хождении» возникла сразу же по совершении паломничества.

Необходимо учесть, что в тексте содержится ряд исторических реалий, позволяющих конкретизировать и подтвердить датировку. «Хождение» как о «ныне здравствующих» говорит о царе Иване VI (умершем 16 марта 1584 г.), царевиче Федоре Ивановиче (скончавшемся 7 января 1598 г.) и о царице Марии Федоровне (год ее смерти — 1612). Это, конечно, не является определяю-

щим фактом, который ведет к заключению, что «Хождение» было написано до кончины Грозного, его супруги или их сына. Более существенно следующее: царевич Федор, младший сын Ивана Грозного, был упомянут в «Хождении» с почтением, достойным единственного наследника царского престола Российского государства. Действительно, Федор после 1581 г., когда был убит его старший брат Иван, стал лицом, реально претендующим по династическому принципу на царствование. 19 ноября 1582 г. на Руси родился еще один продолжатель царского рода Рюриковичей — сын Грозного и царствующей в то время супруги Марии Федоровны Нагой — царевич Дмитрий. О нем в «Хождении» как о наследнике, имеющем ту же титулатуру, что и Федор, не упомянуто ни слова.

Из этого следует несколько выводов. Во-первых, «Хождение» могло быть написано Трифоном или кем-то из его окружения, кому до паломничества в марте 1582 г. был неведом факт рождения царевича Дмитрия, и неизвестен он оказался по каким-либо причинам по возвращении в Москву в марте 1584 г. Во-вторых, возможно, что сочинение составлялось позже 1584 г., то есть после того, как по смерти Грозного царевич Дмитрий с репутацией неугодного и опасного для престола наследника был выслан в Углич, и, следовательно, упоминание о нем могло быть сочтено непристойным.

В том случае, если «Хождение» составлялось после 1584 г., таким же неподобающим было указание на «благоверную царицу княгиню Марью» как «ныне» здравствующую и царствующую, которую вместе с сыном сослали в 1584 г., а в 1591 г. постригли в монахини Николовыксинской пустыни «за недосмотрение за сыном и за убийство невинных Битяговских с товарищи». Следовательно, имеющееся указания «Хождения» на царскую особу возможны были только до конца 1584 года. По тем же историко-идеологическим причинам выглядит недопустимым упоминание в «Хождении» Дионисия по времени позже конца 80-х гг. XVI в., поскольку тот руководил русской церковью до 1587 года, когда за открытое обличение «неправды» Бориса Годунова был лишен митрополичьей кафедры и сослан в Новгородский Хутынский монастырь, где вскоре и скончался[32]. «Хождение» же без тени неприязни в адрес Дионисия сообщает: «Мы же от митрополита

рехом ему: Деонисей митрополит великого града Москвы и всея великия Российския земли велел тебе святейшему папе и патриарху Селивестру челом ударити...» (с. 46).

Таким образом, беря во внимание анализ основных, наиболее противоречиво проявивших себя, датирующих признаков, время создания «Хождения» следует отнести к 80-м гг. XVI в. или даже к 1584 г. То есть реально предположение того, что составление путевых записок могло произойти сразу же по возвращении посольства из восточного паломничества. В ином случае (если «Хождение» было создано позже 1584 г.) попытка объяснить выбор исторических лиц составителем записок приводит к выводу о том, что автор сочинения был абсолютно «нечувствителен» к исторической ситуации своего времени. Это представляется маловероятным, особенно если учесть специфику той эпохи.

Заслуживает внимания еще одна гипотеза относительно датировки памятника. На прочности связи «Хождения» 1582–1584 гг. с «Отчетом» и «Хождением» 1593–1594 гг. настаивал Х. Лопарев, сделавший вывод о том, что исследуемое сочинение было написано после 1593 г., то есть после того, как «пронесся в Москве слух о поездке Коробейникова на Восток» (поездка 1593–1594 гг.)[33]. Н. И. Прокофьев также говорил о том, что записки, известные под названием «Второго хождения Трифона Коробейникова», были написаны раньше, чем «Хождение купца Трифона Коробейникова по Святым местам Востока». Исследователь опирался на данные рукописного материала: в рукописях, как правило, текст второго «хождения» предшествовал тексту первого, сливаясь с ним и представляя полную картину пути от Москвы до Иерусалима[34].

Однако указанное расположение «Хождений» в списках, возможно, не связывалось с хронологическим порядком появления сочинений, а основывалось на «географической» последовательности описываемых маршрутных пунктов. В «Хождении» 1593–1594 гг. дается описание пути от Москвы до Иерусалима, которое самым естественным образом располагается прежде непосредственного путешествия по Востоку, ставшего объектом повествования в «Хождении» 1582–1584 гг. Полагаться полностью на наблюдения над отдельными рукописями при отсутствии сис-

темной работы с ними и обстоятельного их текстологического анализа следует осторожно, впрочем, как и устанавливать прочную текстовую связь между тремя указанными сочинениями, которые приписываются Трифону Коробейникову.

Последняя гипотеза «раздвигает» хронологические рамки появления Коробейниковских записок до неопределенного указания на конец XVI (предположительно, 80-е гг.) — начало XVII вв. Х. М. Лопарев «начало XVII в.» ограничивал 1602 г. — временем создания древнейшего датированного списка «Хождения». Допущение верное, поскольку вряд ли сочинение могло быть написано позже 1602 г. Эпоха российской смуты, времена непрестанной смены патриархов на православном Востоке, ограничение связей между Русским государством и восточными обителями — все это не могло способствовать появлению одного из наиболее популярных в древнерусской паломнической литературе памятника: идеологические и литературные приоритеты имели иной характер.

Как указывал Д. С. Лихачев, письменность начала XVII в. при всем ее разнообразии была литературой «одной главной темы "Смуты", ее истоков, причин, характера, описания событий и поисков вин и виноватых»[35]. В сочинении Коробейникова данная тематика никак не проявилась, оно идеально интерпретируется в контексте 80-х гг. XVI столетия. Итак, на данном этапе исследования «Хождения» хронологические рамки его создания следует ограничить двумя возможными датами: 1584 и 1602 годами. Предпочтение при этом отдается более ранней дате.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Виноградов В. В.* Проблемы авторства и теория стилей. М., 1961. С. 199.

[2] *Голубцова М. А.* К вопросу об источниках древнерусских хождений в Святую землю (Поклоненье святаго града Иерусалима, 1531 г.) // ЧОИДР. М., 1911. Кн. 4. С. 50.

[3] *Лопарев Х. М.* Предисловие // Православный Палестинский сборник. Т. IX. Вып. 27. СПб., 1889. С. XIII.

[4] *Евгений* (*Болховитинов*). Словарь русских светских писателей соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 1. С. 309; *Макарий* (*Булгаков*). История русской церкви. Т. VII. Кн. 2. М., 1874. С. 528.

[5] Отечественные записки. 1846. № 3. С. 16—17.

[6] *Забелин И. Е.* Предисловие // ЧОИДР. Кн. 1. М., 1884. С. VII.

[7] *Лопарев Х. М.* Предисловие... С. XXXII.

[8] *Рубцов М. В.* К вопросу о «Хождении» Трифона Коробейникова в святые земли в 1582 г. // Журнал министерства народного просвещения. 1901. Апрель. С. 361.

[9] *Рубцов М. В.* К вопросу о «Хождении»... С. 365.

[10] Данная работа ныне проделана. Сравнительно-текстологический анализ проскинитария «Поклоненье святаго града Иерусалима», переведенного на русский язык в 1531 г., и «Хождения» Василия Познякова 1558–1561 гг. см.: *Опарина А. А.* «Хождение» Трифона Коробейникова (историко-литературная основа и проблемы текстологии): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997; *Опарина А. А.* Сравнительно-текстологический анализ сочинений Древней Руси: Опыт исследования памятника конца XVI столетия «Хождения купца Трифона Коробейникова по святым местам Востока». Киров, 1998.

[11] *Адрианова-Перетц В. П.* Путешествия XVI в. // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.; Л., 1946. С. 514.

[12] *Белоброва О. А.* Черты жанра хождений в некоторых древнерусских письменных памятниках XVII в. // ТОДРЛ. Т. 27. М.; Л., 1972. С. 264.

[13] *Кусков В. В.* История древнерусской литературы. М., 1989. С. 214.

[14] Данный источник был опубликован и прокомментирован в статье: *Опарина А. А.* Литературная «загадка» XVI столетия (архивный документ об исторической основе «Хождения купца Трифона Коробейникова по Святым местам Востока») // Научный вестник Кировского филиала Моск. гуманитарно-экономического ин-та. Научно-методический журнал. № 3. Киров, 1999. С. 316–327.

[15] *Прокофьев Н. И.* Литература путешествий XVI–XVII вв. // Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988. С. 15.

[16] Russian Travelers To The Christian East From The Twelfth To The Twentieth Century. Columbus. P. 39; *Seemann K.-D.* Die altrussishe Wallfahrsliteratur. München. 1976. S. 436.

[17] Хождение по святым местам Востока купца Трифона Коробейникова // Палестинский православный сборник. Т. 9. Вып. 27. 1889. С. 1–2. Далее данное издание цитируется в тексте с указанием страниц.

[18] *Седельников А. Д.* Несколько проблем по изучению древнерусской литературы // Slavia, 1929. Roč. VIII. Seš. 3. S. 508–509.

[19] Проскинитарий Арсения Суханова // Палестинский православный сборник. СПб., 1889. Т. 7. Вып. 3. С. 161, 191.

[20] См. примеч. 10.

[21] Никоновская летопись. Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 45.

[22] Отчет Трифона Коробейникова // Палестинский православный сборник. Т. 9. Вып. 27. СПб., 1889. С. 84.

[23] *Баталов А. Л.* Гроб Господен в «Святая Святых» Бориса Годунова // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 155–156.

[24] Материалы для истории, археологии и статистики града Москвы по определению Московской городской думы. М., 1884. Ч. 1. Стб. 1218, 1221.

[25] Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. № 42. С. 77; *Белокуров С. А.* Разрядные записки за Смутное время. М., 1907. С. 271; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 263.

[26] *Макарий* (*Булгаков*) История русской церкви... С. 528; *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. Т. 2. Кн. 8. СПб., 1849. С. 137; *Строев П. М.* Библиологический словарь и черновые к нему материалы // Сб. ОРЯС Имп. АН. СПб., 1882. Т. 29. № 4. С. 182; Трифон Коробейников // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Т. 25. М., 1917. Стб. 232.

[27] *Лопарев Х. М.* Предисловие... С. XX.

[28] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Т. 1. СПб., 1896–1902. С. 9.; Т. 2. С. 269; Т. 3. С. 99, 105, 107, 313; *Теплов В.* Русские представители в Царьграде (1496–1891 гг.). СПб., 1891. С. 70.

[29] Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся. Ч. 20. М., 1791. С. 169.

[30] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 9. СПб., 1891. С. 445.

[31] *Белоброва О. А.* Черты жанра хождений... С. 262.

[32] Новгородская 3-я летопись // ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 263.

[33] *Лопарев Х. М.* Предисловие... С. XXXI.

[34] *Прокофьев Н. И.* Литература путешествий XVI–XVII вв. ... С. 435.

[35] *Лихачев Д. С.* Подступы к решительным переменам в строении литературы // Памятники литературы Древней Руси конца XVI – начала XVII вв. Вып. 7. М., 1987. С. 12.